

Чэн Юй огляделся. Аудитория оставалась такой же, как и перед их уходом, только торт на тележке исчез, и, похоже, ему не удастся попробовать его.

Войдя в аудиторию, Чэн Юй заметил, что Сюй Тин, Сюй Инь и Ю Цзя не произнесли ни слова, не посмотрели на него и даже не шевельнулись.

Хун Мэй и бабуля стояли на страже, не говоря ни слова.

Тишина в аудитории заставляла Чэн Юя нервничать.

Это предвестник бури?

Пока Гу Ши не напомнил ему посмотреть на часы в передней части аудитории.

Он заметил, что стрелки часов вели себя странно: часовая двигалась назад, минутная — вперед, а секундная застыла на отметке двенадцать.

— Цзяцзя, Цзяцзя, почему ты молчишь? — Ван Ло, с момента входа в аудиторию, рассказывал Ю Цзя о приключениях мужчин в аудитории 555. Но Ю Цзя лишь кивала, не произнося ни слова.

Кроме того, Чэн Юй заметил, что Сюй Тин и Сюй Инь тоже молчали.

— Сяо Тин, торт был вкусный? Почему ты не оставила братику кусочек? — Чэн Юй встал, притворившись обиженным из-за того, что не попробовал торт, и посмотрел на девочку.

Сюй Тин открыла рот, словно хотела что-то сказать, но лишь опустила голову, уткнувшись в грудь Сюй Инь.

Сюй Инь улыбнулась и больше не смотрела на него.

Чэн Юй перевел взгляд на Ю Цзя.

Но, что бы ни говорил Ван Ло и как бы он ни пытался развеселить Ю Цзя, она продолжала молчать.

— Странно, ты не заметил, что они трое изменились после нашего возвращения? — спросил Чэн Юй у Гу Ши.

Гу Ши взглянул на тележку, затем обернулся к бабуле, которая сидела с закрытыми глазами в задней части аудитории, и, немного подумав, ответил:

— Подожди, у 521 нет причин вредить им.

— Значит, торт был безопасен?

Гу Ши уверенно кивнул:

— Да.

В этот момент в передней части аудитории раздался звук, и все взгляды устремились в его сторону.

Это были часы.

Минутная стрелка совпала с секундной, обе указывали на двенадцать, и только часовая продолжала быстро двигаться.

Чэн Юй был уверен, что не ошибся: часовая стрелка двигалась быстрее, чем обычно движется секундная.

Бабуля и Хун Мэй мгновенно открыли глаза. Бабуля переместилась в переднюю часть аудитории, они с Хун Мэй обменялись взглядами и одновременно ударили по доске, расколов ее на две части.

В тот же момент часовая стрелка остановилась, указывая на двенадцать.

Из щели в доске вырвался луч света.

Это был тот самый свет, который появлялся, когда все выбирали свои карты персонажей. Сцена сменилась на эпизод визита государевой наложницы Юань к родным.

Все внимательно смотрели.

Чэн Юй тоже сосредоточился, но быстро заметил, что персонажи, которых он играл раньше, исчезли. Слово их никогда и не было.

В этот момент раздался знакомый голос из динамиков.

[Система]: Урок окончен, пожалуйста, проведите первый раунд тайного голосования.

[Система]: Объектом голосования являются ваши кодовые имена.

[Система]: Процесс голосования будет контролироваться преподавателем Хун Мэй.

[Система]: Кодовое имя «Бесстыдник» имеет право оспорить, но не может изменить результат.

После объявления бабуля написала все кодовые имена на доске и, повернувшись к Хун Мэй, сказала:

— Можно начинать.

Хун Мэй раздала всем, кроме Чэн Юя, бумагу и ручки, чтобы они написали кодовые имена, за которые голосуют. Весь процесс контролировался Хун Мэй.

Чэн Юй не имел права голосовать, поэтому скучал, размышляя о кодовых именах на доске.

Кроме его «Бесстыдника», он не знал, кому принадлежат остальные восемь имен.

Тайное голосование предполагало, что, не зная, кто за каким именем скрывается, голосующие будут руководствоваться своими предпочтениями.

Остальные восемь имен были:

«Юаньсяо», «Достало!», «Безнадежный романтик», «Сестричка круче всех», «Мускулистый мачо», «Интеллектуал», «Ангел-хранитель», «Баоцзы не так ароматны, как мантоу».

Два имени связаны с едой, два — с самолюбованием, одно — с раздражением, одно — с любовными страданиями, одно — с высоким образованием, и одно — единственное на

английском языке.

Пока Хун Мэй контролировала голосование, Чэн Юй в уме сопоставлял эти имена с присутствующими, пытаясь угадать.

Два имени, связанные с едой, было трудно угадать, так как в аудитории 555 никто не готовил баоцзы или мантоу. Но «Сестричка круче всех» и «Мускулистый мачо» заставили его подумать о Ю Цзя и Старине К.

Ю Цзя отличалась от других девушек своей раскованностью, и она ранее играла роль Ван Сифэн, говоря, что ей нравится ее дерзость. Разве это не проявление «Сестрички круче всех»?

Чэн Юй все больше убеждался, что это имя принадлежит Ю Цзя.

Что касается «Мускулистого мачо», то, кроме Старины К, он не мог никого вспомнить. Старина К был тренером по боевым искусствам, это он узнал, когда бабуля записывала данные.

«Безнадежный романтик» и английское имя пока оставались для него загадкой.

Из восьми имен он пока определил только Ю Цзя и Старину К, но это могло быть не окончательно.

Хун Мэй собрала все бумаги и ручки, подошла к доске, и механическая рука бабули достала из-под доски черный ящик, в который Хун Мэй положила бумаги.

Чэн Юя пригласили к доске.

Бабуля уступила ему место, и Хун Мэй сказала:

— Пожалуйста, потряси этот ящик.

Чэн Юй замер на мгновение, посмотрел на Хун Мэй и бабулю, и, увидев, что они ждут, взял ящик и начал трясти.

Через некоторое время Хун Мэй остановила его.

Затем она дала ему мел и сказала:

— Я буду читать, а ты записывай, используй иероглиф «правильный» для подсчета голосов.

Чэн Юй ответил:

— Окей.

Он взял мел и встал у доски, ожидая первого имени.

Хун Мэй протянула механическую руку в ящик, достала одну бумагу, развернула и показала всем:

— «Мускулистый мачо» — один голос!

Чэн Юй видел почерк только двоих: Гу Ши и рисунок Сюй Тин. Остальные были для него загадкой.

Начертив одну горизонтальную черту под «Мускулистым мачо», Чэн Юй обернулся и посмотрел на Старину К, заметив, как его лицо слегка дрогнуло, но быстро вернулось к норме.

Чэн Юй был почти уверен, что «Мускулистый мачо» — это Старина К.

Прочитанные и показанные бумаги передавались бабуле, которая тут же их уничтожала.

Второе имя — «Юаньсяо».

Чэн Юй начертил горизонтальную черту и снова оглядел всех, но на этот раз ничего не заметил.

Похоже, этот «Юаньсяо» был хладнокровен.

Третье имя — «Интеллектуал».

На этот раз, обернувшись, Чэн Юй поймал испуганный взгляд Хуан Тая, который часто подхалимничал перед ним.

Хуан Тай готовился к экзаменам, так что имя «Интеллектуал» вполне подходило.

Из всех имен только «Ангел-хранитель» не получил ни одного голоса, что означало, что кто-то из восьми воздержался.

Чэн Юй наблюдал, как бабуля уничтожила последнюю бумагу, бросил мел и вернулся на свое место.

Аудитория затихла, все ждали, что скажут Хун Мэй и бабуля.

Хун Мэй и бабуля взглянули на результаты голосования, и Хун Мэй взяла красный мел, начертив большой крест на имени «Ангел-хранитель».

— Учитель, что это значит? — внезапно встал Чэн Юй.

Все взгляды устремились на него.

Хун Мэй положила мел и, повернувшись к Чэн Юю, четко произнесла:

— Тот, кто не получил голосов, считается опасным персонажем в этом тесте.

— На каком основании? — возразил Чэн Юй.

Он считал, что тот, кто не получил голосов, наоборот, безопасен.

Хун Мэй объяснила:

— Согласно прошлым правилам, тайное голосование — это оценка первого впечатления и предпочтений.

Чэн Юй усмехнулся:

— Кто знает, кто есть кто, как учитель может утверждать, что это опасный персонаж? Я считаю, что те, кто получил голоса, и есть опасные.

Дзинь-дзинь-дзинь —

Прозвенел звонок на перерыв.

Голос из динамиков объявил:

[Система]: Возражение принято, но результат голосования не изменится.

[Система]: Перерыв на двадцать минут, затем продолжение второго раунда голосования.

Хун Мэй и бабуля вышли, но двери аудитории не открылись, они были заперты снаружи.

Чэн Юй отпустил ручку двери и, обернувшись к Хуан Таю, сказал:

— Ничего не вышло.

<http://bllate.org/book/16242/1459989>